

The background of the book cover is a photograph of a mountain range at night. The mountains are covered in snow and are illuminated by a warm, orange light, possibly from a low sun or moon. The sky is dark blue and filled with many stars, with the Milky Way galaxy visible as a faint, glowing band of light.

В гору на Коньках

Олена Притула

16+

Олена Притула

В гору на коньках

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Притула О.

В гору на коньках / О. Притула — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История семьи, где с самого начала все пошло наперекосяк. Главный герой романа Ярик Берсенов и его жена как могут борются с нищетой и мраком, которые царят в их съемной однокомнатной квартире. Они спят не с теми, любят не тех. А их самих любил ли кто-то хоть когда-нибудь? Кажется, что раздобыв немного денег, он принесет в семью любовь, покой и безмятежность. Ярик становится грабителем, скользит на «коньках» против совести, забывая о том, что рядом с ним есть люди, полностью зависящие от его решений. Он выбирает трусость и малодушие, которые приводят к краху его собственной жизни и разрушению судеб его драгоценных и близких душ.

© Притула О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1 Будни	5
Глава 2 Отыскивая знаки	13
Глава 3 Лиза	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1 Будни

Бедность и гордость неразлучно
сопровождают друг друга, пока
одна из них не убьет другую.

Грегори Дэвид Робертс

Его звали Кирилл, Кирилл Мухаметшин. На то, чтобы узнать его имя, у меня ушло два месяца. А тогда, утром 30 октября, я вышел в центре из метро Чистые Пруды, чтобы купить книгу. Я решил, что дойду по Мясницкой до «Библио Глобуса», и если книги там не будет, пойду пешком через Китай город, Охотный ряд и Библиотеку имени Ленина, пока не попаду в «Дом книги».

На самом деле мне нужна была не книга, а тетрадь по труду для первого класса. В ней были разные фигурки, которые мой сын Лука должен вырезать, склеить, раскрасить и принести на урок. Лука плохо клеил и плохо вырезал, но я был горд собой в то утро. Я встал на час раньше ради картонных лебедей и обведенных пунктиром матрешек. Не побоявшись холода, поехал в центр и не собирался возвращаться без книжки, которая приятно пахнет свежей бумагой.

Утром пошел снег. Он падал, кружил, колот мне лицо, дыша прозрачным, злым дыханием. Черное сукно облаков успело стать серым и матовым, пока я мерно покачивался в выдавшем виды синем вагоне. Улицы и люди притихли. Вдохнув морозный воздух, они казались мне растерянными, оглушенными.

Я шел мимо роскошного китайского чайного дома, сетевого японского ресторана со смешным названием, магазина дорогих швейцарских ножей, блестящем хромом и красным пластиком в пасмурном городе. Я ни о чем не думал, ежился от холода в своей зеленой куртке.

Я сразу заметил его в кафе. Надо сказать, довольно среднем: узкие стулья с металлической спинкой – на таких неудобно сидеть, стены коричневых тонов, плотные, как камедь, шторы. Намек на респектабельность и вместе с тем демократичность.

Кирилл Мухаметшин сидел за крошечным круглым столиком рядом с огромным оконным проемом. Одет он был в черное кашемировое поло и синие джинсы. Даже с улицы я видел, что это хорошая, дорогая ткань. На его левой руке были часы из белого золота с черным кожаным ремешком. Черные волосы блестели от геля, собранные в крысopodobный тонкий, длинный хвостик на затылке. Мне было сложно понять, сколько ему лет: может быть, тридцать, а может, сорок. Росту в нем было не больше ста семидесяти. Кирилл Мухаметшин был толстым.

Круглое, раздутое лицо почти сразу переходило в плечи. Под гладкими, тяжелыми щеками, под двойным подбородком не было видно шеи. Глаза, нос и рот как бы скукоживались, собирались в центре лица. Резко очерченные тонкие брови. Раскосые узкие черные глаза с припухлостями внизу. Будто в его лице встретились Европа и Азия.

Левый глаз у Кирилла Мухаметшина был больше, чем правый. Я подумал, что у меня как раз наоборот – левый глаз как будто все время шурился, а правый был распахнут.

К столику подошла официантка и что-то спросила. Кирилл Мухаметшин смотрел на нее цепко, свысока, как смотрят хищники. Его ярко-розовые губы утолщались к центру, сходились в капризном банте. Разговаривая, он, как кот, облизывал их маленьким языком, описывал руками мягкие круги. Кирилл Мухаметшин становился чрезвычайно обаятельным. Официантка кивала ему вежливо и немного смущенно. Когда он улыбался, в его лице появлялось озорство. Он был симпатичным, как избалованный любимый ребенок, держался уверенно и походил на филиппинского принца, прекрасно образованного, которого обожает его огромная филиппинская семья.

С филиппинским принцем была моя жена. Она сидела вполборота к окну и ела шоколадное пирожное на модной треугольной тарелке. На ней была красная кофта из пушистого репса, делавшая туловище моей жены похожим на шерсть пчелы. Кофта полиняла, локти протерлись. Если присмотреться, можно было увидеть, как сквозь коралловые нити просвечивают островки ее бледной, жемчужной кожи.

Моим первым чувством был праведный гнев. Я подумал, что сегодня утром Лука ел на завтрак бородинский хлеб с куском «Российского» сыра. Сыр был мокрым от проступивших белесых капель. Захотелось, чтобы Лиза заметила меня, тогда бы я торжествовал. Но я робел азиата. Я ощущал бессилие. Вдруг я понял, как ей не хватало быть среди людей, в уютном густо-желтом освещении наслаждаться тем, как тает во рту сладкое пирожное.

Им принесли счет. Азиат взял листок короткими пухлыми пальцами, быстро взглянул и положил в кожаную папку пятитысячную купюру. Затем он с довольным видом откинулся на стуле. Я увидел большой, словно мыльница живот, свисавшие на мыльницу покатые жирные груди. Было не похоже, что он себя стесняется. Он излучал жизнелюбие человека, который всем в жизни доволен. Он вкусно ел, ясно мыслил, сидел в кафе с моей женой.

Мухаметшин сказал что-то, и Лиза засмеялась. Смеялась она скромно, одними глазами. Злорадство вдруг охватило меня, как болезнь. Я будто был рад, что увидел ее с другим. Как будто от этого моя вина стала ничтожно-рвотной, кричаще-визгливой. Но тут же стало отчего-то совестно, как будто я не должен был там находиться, не должен был на них смотреть.

Наверху сгущались облака. Там, где еще оставались серые просветы, ветер спешил, лепил темные заплатки. Мне стало неуютно, хоть я стоял на узкой улице, с двух сторон окруженной домами. Ветер носился по ней как стрела, туда-сюда. Грязь под ногами замерзала у меня на глазах. Разводы на снегу напоминали пенные рисунки в чашках капучино. Люди спешили мимо меня: набожные женщины с утренней службы, нарочито скромные, горделиво-осуждающие, красивые девушки из дорогих офисов с медовыми прямыми волосами, мужчины в спортивных куртках, под куртками торчали ноги в синтетических костюмных брюках.

Становилось все неудобнее стоять там. В любую минуту моя жена и азиат могли выйти из кафе, а я так и не решил, хочу ли, чтобы она меня увидела. Консультант в малиновом свитере из соседнего магазина несколько раз взглянул на меня с любопытством. Остаться и смотреть на них было неловко. Я быстро дошел до метро и нырнул в переход.

Мимо ларьков с сомнительными, но такими манящими, недоступными товарами, мимо шумных подростков, прогуливавших школу, размокших картонных коробок, я толкнул тяжелую стеклянную дверь, приложил карточку под сонный взгляд старухи дежурной и через две минуты был в вагоне.

Стоптаные туфли, лоснящиеся переливы из коричневого в белый, пакеты из магазинов косметики и бесконечные темные шапки, иногда уступающие кокетливому розовому. Здесь все всегда унылы, здесь не принято улыбаться. А на влюбленных смотрят как на чудаков. «Выгодный кредит от 12%» – расклеили плакаты по вагону. Стройная брюнетка улыбается нам, тоскливым пассажирам, потрясенному мне. Ее рука обнимает пальму, позади нее чистое небо, под ногами песок, белоснежный, нетронутый следами. Я смотрю на эту фотографию и поневоле начинаю мечтать. О море, о любви и солнце. Особенно о любви.

Больше всего на свете я любил Камиллу. Ее агатовые глаза, вытянутые, как листья миндаля, открытое лицо, сияющее свежестью. Губы, нарисованные словно наспех, со страстью, мягкие руки. Меня завораживал ее голос: липкий, низкий, сдержанный, как в черном джазе. Она была теплой и загадочной, как Бог, как мама, которую я никогда не знал. Я носил каре, когда любил ее.

Каждый день я бежал до вьетнамского общежития между седьмой и девятой Парковой, где Камилла с матерью были единственной армянской семьей. Я поднимался по темной лест-

нице на третий этаж, отыскивал ее дверь, затерявшуюся в ядовито-зеленых тазах для белья, ворованных магазинных тележках и попадал в двенадцать метров ковров, тишины, запаха специй и яблок. Я забывал, что я нищий студент дрянного финансового колледжа, забывал о лени, о мерзкой, гнилой неуверенности. Я растворялся в Камилле, впитывал ее. Невыносимо-прекрасная, она вырастала до невероятных размеров: легкая, приятно-песочная, Камилла заслоняла собой мир. Она любила меня, и только тогда я не чувствовал стыда.

Мы просидели в ее комнате почти три года, ничего не замечали, каждый день глотали час за часом – Камилла у меня на коленях, мои руки грелись о ее золотистую кожу. Я не представлял, что может быть иначе, пока однажды к дому, облицованному пластиковыми панелями не приросли колеса, и он не увез ее в безумие.

Помню, как стоял растерянный в больничном коридоре, пытаюсь вспомнить хоть одну молитву. «И прости нам долги наши». Мимо меня на каталке быстро везли Камиллу, почерневшую, ссохшуюся, завернутую в темный кокон одеял.

В серо-зеленой тишине запах хлорки, лекарств, отбеленных простынь казался безнадежным. Я бы хотел отдать все, что у меня было, лишь бы она выздоровела, лишь бы снова вернуться в ту комнату, сидеть в ней вечно, замирая от счастья. Но у меня ничего не было. Камилле становилось хуже.

С моей женой мы познакомились в очереди на УЗИ органов малого таза. Моя жена лечила тетку. Я ждал Камиллу, потому что хотел ее ждать. Лиза ждала тетку, потому что должна.

Лиза была доброжелательной и тихой, я несчастным и злым. Мы вместе ели рагу в столовой, ели салат и хлеб. Я говорил о Камилле, я не мог говорить о другом – Лиза слушала, мои слова лились в ее прозрачные глаза. Меня успокаивала ее невозмутимость: пресная, недвижимая, как вода в оставленном на ночь стакане. Лиза любила анекдоты.

Встретились два помидора.

– Давай поздороваемся, – говорит один.

– Давай, – отвечает другой.

– Ой!

Или:

Встречаются два друга в баре. Один другому говорит:

– Мне тут такой классный анекдот рассказали: «Бежит мышка по краю обрыва: пи-пи-пи-а-а-а-а!!!».

– Ну и что особенного – обыкновенный эффект Доплера, – Отвечает другой.

До сих пор не понимаю, что это значит.

Лиза приехала в Москву из Средней Азии. Она любила овощи и физику, ждала меня у выхода в больницу, чтобы вместе дойти до метро. Пока я курил, топталась в изношенных босоножках, хоть на улице был сентябрь, плюс шестнадцать. Лиза бегала в киоск за мелочами для Камиллы, которые просила ее мама. Я не заметил, как случилось, что я не смог без нее обходиться.

Мне быстро надоело говорить. Я хотел слушать. Кто-то должен был сказать мне, что все хорошо закончится, я зря переживаю, они вылечиваются, эти больные. Таких сколько угодно, вон, по улице ходят, не сосчитать. Но Лиза больше молчала и улыбалась вялой, заискивающей улыбкой. Наши встречи становились тягостными и бессмысленными. Очень скоро она мне опостылела.

Помню, как пришел в больницу в час вечерних посещений. Я долго ждал автобуса, изнервничался. Грудь терзало какое-то пакостное предчувствие. Я был уверен, что случится что-то гадкое, неприятное, страшное.

Вообще, я давно заметил: чем больше представляю что-то хорошее, тем меньше вероятность, что сбудется. Особенно, если представлять в подробностях, мечтать как оно будет до малейшей детали. Как будто пережил в мечтах, и хватит с тебя, получи.

Вокруг все было как обычно. В магазине толпился народ, люди перебегали дорогу на красный свет, столбы на территории больницы пестрели обещаниями чудесных исцелений посредством телефонных разговоров.

Меня не пустили на проходной. Мама Камиллы вышла к стеклянной будке регистратуры. Она была в халате. Грузная, важная, категоричная, с вечно подозрительным, недовольным лицом.

– Ярик, тебе больше не надо приходить. Я запрещаю, – сказала она с сильным южным акцентом.

– Почему? – спросил я.

– Потому что я так сказала. Камилла никого видеть не может.

«Потому что потому, все кончается на «у», – зачем-то подумал я, но вместо этого спросил:

– Вас же она может видеть, почему мне нельзя?

– Она мой ребенок, а ты ей никто. Уходи.

Мешки у нее под глазами вздулись, были почти черными. Из-за скорбных, брезгливых складок на щеках лицо казалось слишком длинным. В крашенных рыжих волосах блестела седина.

– Ей хуже?

– Да, – ее рот дернулся, – Уходи. Быстро! Не заставляй повторять.

Она стояла и смотрела на меня в упор – уставшая, но решительная, как разъяренная гусыня. Мама Камиллы. Гусыня. Кстати, ее звали Ирина.

Она повернулась и поплыла вглубь больничного коридора. Черные мужские шлепанцы гулко шаркали по зеленому больничному линолеуму. Ее тень шагала вместе с ней как какой-нибудь стражник. По дороге, я видел, они с постовой медсестрой многозначительно переглянулись. Я решил, что это конец. Конец моей Камилле. Это был и мой конец. Меня вышвырнули, не дав даже проститься.

Помню, как пошел в магазин и купил три бутылки «отвертки». Идти мне было некуда. На улице темнело. Воздух был влажным, температура падала, и мне стало грустно оттого, что осень закончится совсем скоро. Я вернулся под окна регистратуры на больничное крыльцо и пил, усевшись на ступеньки. Тело била странная дрожь. Я заливал ее, придавливал, как гирей. Поднося бутылку ко рту, я иногда промахивался. Оранжевая жидкость текла мне прямо на кроссовки, от них пахло спиртом. Люди ходили мимо меня, я цеплял их глазами. Теперь я был похож на разъяренного гуся. Прохожие молчали. Никто меня не осуждал, но никто и не жалел. А мне бы хотелось. Дрожь немного утихла, я бессмысленно пялился на лежащие на газоне прелые листья.

Я замерз и устал сидеть сам с собой. Решил, что наберу Лизе. Ей не надо было в больницу, но она приехала, и почему-то я не удивился. Я всё пил и спотыкался, она тащила меня в плаще-колокольчике и розовом шарфе куда-то очень далеко, и ее ноги в белых галошах разъезжались по осенней слякоти в разные стороны.

Мы оказались в квартире ее тетки. В тесной прихожей над дверью прибито соломенное чучело с улыбкой серийного убийцы.

– Это домовенок. Не пугайся, – объяснила Лиза.

Было темно. Лиза заходила в одну комнату – включала свет; выходила – выключала. Экономила.

Я помню свои слезы, номер Камиллы, который без конца набирал, Лизу, целующую мои волосы. «Ее больше нет, Ярик, ее больше нет».

Дальше я путался в ее колготках. Какие это были толстые, колючие, растянутые черные колготки! Я никогда таких не видел. Странный крошечный лифчик, мертвенно-желтый, с жесткими косточками был похож на панцирь броненосца. Мое лицо обмякло в Лизины пальцах

с перламутровым маникюром, которыми она затыкала мою пустоту, клала мне их в рот, и я снова плакал. Я целовал их, эти маленькие пальцы, будто имел на это право, будто мы с Лизой давние любовники и между нами была глубокая мягкая нежность.

Наутро я чувствовал такое презрение к себе, такую брезгливость, что даже забыл о Камилле. Лиза невозмутимо жарила яйца на плите Гефест. Они пригорели с боков, покрылись темной коркой с металлическим привкусом. Это были самые невкусные яйца в мире. Она стояла надо мной навязчивая, скучная, смотрела, как я ем, и словно глотала за меня. В то утро я понял, что мне не выбраться.

У меня никогда не было костюма. На свадьбу я одел отвратительный синий трикотажный жилет. Лиза зачем-то нашла точно такой же, да еще надела под него белую рубашку. Мы выглядели будто школьные заучки. А следующим летом родился Лука.

Из центра на работу я попал чуть больше чем за полчаса. Объявляют мою остановку. Выхожу на станции Южная и плетусь пятнадцать минут по серой промзоне, в одном из лабиринтов которой в бетонном здании скрыт мой офис.

Нажимаю на маленький коричневый звонок и захожу. Иду мимо комнаты с образцами продукции. Она же холл, приемная и выставочный зал. Здесь сидит наш секретарь Соня. Столы из лущеного шпона завалены журналами про мебель, повсюду офисные стулья, обернутые в плотный целлофан. Я попадаю в общую комнату, где работают пять сотрудников. Сейчас здесь только Руслан, я и женщина-Зума.

Руслан отвечает за контракты с регионами. Иногда он с кем-то созванивается, обсуждает сроки, размеры партии. Чаще я вижу краем глаза, как он переписывается с девушками в чате, несмотря на жену и новорожденную дочь. Бывает, он так увлекается, что начинает вжимать себя в кресло, ерзать и причмокивать. Обычно Руслан добродушно меня приветствует, от этого мне становится легко и весело. После поездки в метро я перестаю чувствовать себя ничтожеством. Женщина-Зума, ее зовут Лариса, лениво, злобно поднимает на меня глаза и тут же возвращается в свой Зума-мир.

Я проверяю почту, зная заранее, что мне не пришло важного письма, но все еще на что-то надеюсь. Потом читаю новости в интернете. Я же работаю, а значит, должен знать мировую обстановку. Политика мне неинтересна, и я стараюсь найти что-то вроде «Ученые раскрыли тайну долголетия» или «Почему нельзя употреблять в пищу олады» или «Секретное интервью полковника: как быть ловеласом в армии и не попасться». Я читаю все эти статьи до половины второго. Потом мы с Русланом идем обедать на общую кухню. Женщина-Зума ест у себя за столом, вынимая еду из большого противного пакета с затертой надписью «Пятерочка».

Я ем гречку или макароны с сыром, которые вечером в воскресенье варит Лиза. Она варит в воскресенье вечером на всю неделю. Всю неделю у меня один обед. Руслан ест разное: гуляш, макароны по-флотски, куриную грудку в сливочном соусе, баклажаны в сметане с чесноком, один раз даже домашние пельмени. Каждый раз он хочет угостить меня и каждый раз я отказываюсь. Он равнодушно пожимает плечами вверх-вниз и принимается выливать на меня бесконечные потоки планов по обогащению. В его монологе четырнадцать «я» в минуту.

Подозреваю, что Руслан ворует у фирмы. Иначе, откуда у него взялась новенькая стальная BMW? Думаю, Руслан берет с заказчиков предоплату, оставляет ее себе, а генеральному говорит, что за партию товара покупатель заплатит меньше на эту сумму. Или что-то вроде этого. Например, офису в Самаре нужны 50 стульев. У нас стул стоит 200 долларов, и это не считая кресла руководителя. Руслан продаст по 150, скажет главному, что без скидки Самара стулья брать не хотела, а разницу положит себе. Получится две с половиной тысячи. Ничего себе! Но я в этом не силен, что об этом думать. Пусть об этом думает наш главный.

Мы возвращаемся с обеда в нашу полутемную комнату, где сидим до шести. Я в интернете, изнывая от безделья и тоски, Руслан – занимаясь любовными делами. Когда он перепи-

сывается с женщинами, то разворачивает компьютер в мою сторону. Когда занят по работе, отворачивает монитор к окну, чтобы я не видел экран.

Время от времени по коридору проходил непонятный мне, недоступный красавчик-директор в выглаженной и, даже, кажется, накрахмаленной рубашке. Уверенным голосом он подшучивал над нами, раздавал распоряжения. Он жил.

Я тщательно жду, что у меня появится дело, одеваюсь, прощаюсь с Русланом и иду к метро. Закуривая, я посмотрел на грязный хиленький сарай, служивший складом нашей фирме. Возле него стояла машина Руслана. Из сарая вышла молодая девушка, у нас она работает совсем недавно. На ней была только легкая кофта и джинсы. Кажется, ее зовут Олеся. Я застыл, залюбовался ее легкими и плавными движениями. Девушка открыла ключами машину Руслана и, перегнувшись через водительское сиденье, принялась что-то искать в его бардачке. Меня она даже не заметила.

К половине восьмого я прихожу домой и попадаю в нашу мрачную квартиру. Это однокомнатная квартира на третьем этаже панельного голубого дома 70-х годов. Квартиру мы снимаем у Наташи, парикмахерши и матери-одиночки. Она – глазастая блондинка, с прической из фильма «Анжелика и Король», чем-то напоминает Бриджид Бардо. Только не стройная и не кокетливая. Наташа немногословна и прямолинейна. В нашей квартире она хранит банки для огурцов, журналы по парикмахерству, хозяйственное старье. Нам оно и мешает, и нет. Например, мы пользуемся всеми кухонными приборами – чайником, разными кастрюлями, лопатками, вилками, ножами.

Мы снимаем квартиру ее бабушки. Бабушка умерла, квартиру сдали. В ней ничего не прибирали. И получается, будто мы живем в отсутствие пожилого человека. Диван-кровать все еще пахнет мертвым телом, если принюхаться, стены кухни бережно обклеены клеенкой от пятен, в комнате форпостом висится рыжая лакированная стенка.

Мы с Лизой спим возле стены, Лука спит на кресле-кровати возле балкона. У правой стены стоит стол (полированный, но не рыжий, а темный). На нем компьютер. Компьютером пользуется Лиза. Это ее питомец. На нем она часами играет. Медленно, упорно, не вкладывая ни копейки, улучшает свою ферму.

На окнах у нас стоят решетки. Покрашенные в серый, они кое-где проржавели. При входе вас встречает бордовая дверь, простроченная ромбиком из дерматина. Прихожая отделана мягкими желто-коричневыми обоями «под кирпич». Есть кладовка, но в ней завелся грибок, поэтому, если придете к нам, не ставьте туда книги и не складывайте одежду. Также в прихожей стоит обувная тумба из телемагазина. Полки в ней выдвигаются, как ручная кладь в самолете. Туда мы пихаем обувь, и если в рыжей стенке не хватает места, одежду в мешках из «Дикси». Я видел по телевизору, продается белая и черная. Конечно же, наша тумба черная.

Дверь в комнату отсутствует. Вместо нее висят бисерные длинные висюльки. Бело-коричневые с красными вкраплениями.

Покойная бабушка любила природу. На всю стену приклеены фотообои – березы и водопад. Камни, мох, березовые сережки. Больше я продолжать не могу. Я ненавижу эти фотообои.

Слева, между стенкой и кроватью, стоит комод для хранения постельного белья. В него вделаны металлические рельсы. Кажется, это называется секрестер, или нет, ведь он стоит на полу. На нем лампа, игрушки Луки. Внутри тоже игрушки Луки, потому что постель мы не убираем, а игрушки где-то надо хранить. Я думаю, что если бы мы не ленились и убрали кровати каждое утро, комната выглядела бы лучше. У нас появилось бы больше места и хоть какой-то уют.

Ванная у нас старая, но со стиральной машинкой. Я знаю, Лизе это важно. Она совершенно не умеет стирать руками, а также шить, вышивать, печь торты и драить полы мастикой. Я тоже не умею, да мне это и не важно. В ванной на кафельной стенке приделан поручень,

чтобы бабушка, которая умерла, когда она еще не умерла, могла держаться за него и вытащить себя из ванной.

На кухне гарнитур, белый с синими цветочками. В доме моей бабушки стоит точно такой же гарнитур. Есть «уголок», который съедает все пространство, две табуретки, которые нам некуда убрать, а выбросить не можем, потому что они не наши, а парикмахерши, и стол. Стол мне нравится больше всего. Он новый, из настоящего дерева, светлый, и даже пахнет деревом, если приблизить лицо. Лиза покупает на него клеенки. Полгода на клеенку. Я грущу, потому что единственную в квартире красивую вещь уравнивают со всем остальным.

В доме все хорошо слышно. Но это, наверное, во всех домах. Иногда я слышу, как соседка за стеной, толстая тетушка с красным лицом, кричит на внука, что он ее достал. Ночью я слышу, как ходит в квартире над нами большая собака. Ее когти мягко клацают, от этого мне почему-то спокойно, как в детстве.

В доме пахнет. Говорят, что в любом доме чем-то пахнет. Я не знаю, чем пахнет в нашем. Теплым паром, оседающим на зеркала, когда Лиза варит макароны или гречку, деревянной стружкой, когда Лука точит карандаши; табачным дымом, тянущим с лестницы, отчаянием?

Лизы нет. Лука сидит на полу, роется в пластмассовом хламе, поет счастливую детскую песенку. Он видит меня, и все его лицо озаряет улыбка.

– Папа! Смотри, какие машинки. Если заклеить, из двух получится одна – больша-а-я.

Он тянет ко мне машинки, зеленую и черную с неоновой наклейкой. У обеих не хватает колес, торчат острые железные спицы, и я боюсь, что он поранится.

– Опять без тапок. Заболеешь, – говорю я, смотря на его маленькие ноги во влажных сморщенных носках.

– Нет, – отрезает он, как что-то неважное, – Ты же заклеишь, поможешь?

У меня сжимается сердце от его ясного взгляда, доверчивого и чистого.

– Если будет время, – отвечаю, – пойди, надень, тапки.

– Сейчас одену. Как хорошо, что ты пришел, – он снова уткнулся в свой хлам, тихий, сосредоточенный мальчик.

Через час я укладываю Луку. Иду к компьютеру проверить почту. В ящике письмо от родительского комитета Луки. Я ждал этого письма давно. Я его боялся.

«Уважаемые родители! Светлана Борисовна выдала договор на дополнительный английский язык. Начнутся занятия в феврале, один раз по вторникам, во второй половине дня. Точное время скажут позднее. Ориентировочно в 15:00. Стоимость 1100 рублей в месяц.

Завтра утром Ольга Дроздова раздаст документы: договор 2 шт., приложение к договору и заявление. Все заполняем и приносим в пятницу.

Еще предстоит поездка в цирк (в декабре). В ближайшее время будем сдавать деньги на билеты и проезд на школьном автобусе. Билеты по льготной цене – стоимость 750 рублей. По срокам сообщу отдельно».

Я облегченно вздыхаю. Без цирка проживем. Без английского тоже. Надо будет, заставлю Луку смотреть фильмы без перевода. Читаю дальше. Буквы буквально кричат на меня.

«ТЕПЕРЬ ПО ПОВОДУ ДЕНЕГ!»

Касса пуста. Предстоят расходы – Новый год, 23 февраля, 8 марта, нужды – тетради, уборка, средства для уборки и т.д. Предлагаю сдать по 2000 рублей, желательно в ближайшее время.

Есть двое родителей – Акылбеков и Берсеновы, которые не сдали еще первый взнос, они должны: Берсеновы 5000 рублей, Акылбеков 2000 рублей».

Берсеновы – это мы. Письмо продолжалось.

«Очень некрасиво с их стороны. Почему их детям должны покупать из общих денег? С сентября прошло уже много времени. Предлагаю – если они не сдают, то и не получают. Пусть обслуживают своих детей сами».

Письмо закончилось. Я сидел, впитывая унижение, как школьник, хотя все было гораздо хуже. Я стал родителем, который не платит за своего ребенка. Нас исключили. Наверняка, все уже прочли письмо, может, даже Лиза прочла на работе.

Деньги, деньги! Почему бы не послать детей убирать приюты для животных – научатся любить ежей и не бояться змей... Обдумывая, зачем вообще закупать какие-то средства для уборки, кляня родительский комитет, я иду в душ. Отодвинув плесневелую шторку, раздеваюсь и встаю в равнодушную зеленую эмалированную ванну.

Вода смывала озноб, грязь города и пристальные взгляды сотен случайных людей, встреченных мною днем. Мне стало хорошо. Долгий горячий душ – это лучший момент моего дня. И тут я вспомнил, что книгу по труду я так и не купил.

Глава 2 Отыскивая знаки

Я увидел сумасшедшего, недавно
поселившегося в нашем квартале,
и заметил, что он единственный в
толпе, кто не несет полиэтиленовый
мешок.

Орхан Памук

Хэлло, мото! Подъем! Семь лет я не меняю рингтон. Он кажется мне ультрасовременным. Такой уверенный мужик зовет меня в свой мир. Я купил телефон в лето, когда родился Лука. Очень понравился цвет – темно-фиолетовый. Наверное, этот телефон и крестик – две мои серьезные собственности, если не считать пуховика и зимних ботинок.

Выключив будильник, я мысленно оцупал свою боль: тянущую свистящую воронку в груди и звенящее напряжение между бедрами. Кроме нескольких мгновений, когда я только пробуждался, они всегда были со мной.

Мы завтракаем макаронами. Лиза появляется на кухне, садится на табуретку и сидит до конца, не поднимая головы от телефона. Я догадался, что мыслями она все еще была в том кафе. Я злюсь на неё. Меня раздражает ее медлительность. Так раздражает, что мне хочется бить стекла. Лука наблюдает за нами, иногда пытается робко что-то сказать. Ему страшно идти в школу, над ним там издеваются. Лука толстый, самый маленький в классе, брюки большие ему, сидят неказисто. Но делать нечего, надо идти.

Я одеваюсь в сопелую куртку и ухожу на работу. Лука прощается со мной тихим, нежным голосом. Лиза молчит. Закрыв дверь плоским ключом, я спустился на один пролёт и увидел Марину.

Ей шестнадцать, она живет этажом выше с мамой Викой и папой Николаем, Колей, в прокуренной квартире. Ремонт последний раз там делали перед ее рождением. Отец Марины смахивает на большого лохматого пса. В застиранных рейтузах и синтепоновом плаще в любое время года. Он потихоньку таскает из дома вещи. Может унести кресло или блендер. Ее родители – мелкие рабочие. Отец слесарь, его недавно уволили за пьянство. Сейчас он грузчик в загибающемся магазине, где мама Марины работает продавцом в отделе овощей, галантереи, сухофруктов и орехов.

Мы познакомились в прошлом году. У них в квартире ругались, Марина выскочила в короткой майке, дырявых шерстяных носках, лосинах и розовых тапках с заячьими ушами. Бледная, с горящим взглядом, разлетевшимися из хвоста волосами. Спустилась ко мне, попросила зажигалку и сигарету. С тех пор мы иногда курим вместе.

Вот и сейчас она сидит на подоконнике боком, смотрит в окно, ноги поставила на подоконник, отодвинув цветы в горшках – пыльную герань и денежное дерево. Между ног банка из-под горошка вместо пепельницы. Марина со вкусом затягивается, неторопливо стряхивает пепел, выдыхает дым. Она все делает плавно, не спеша, как ленивая кошка. Рыжая кошка.

– О, Слава, привет, – выражение ее лица масляное, спокойное.

– Ты чего не учишься? – спросил я.

– Прогуливаю, – ответила она и улыбнулась.

– Счастливое у тебя время, вернуться бы, – я почувствовал себя глупо.

– Давай вместе прогуляем, – ее голос лился томно, неспешно, немного глухо, – мать скоро на работу, отца нет, бабушка в своей комнате. Посидим, посмотрим видео.

Бабушка. В комнате.

– Не могу, мне надо в офис. Может, кофейку как-нибудь выпьем. Заходи к нам, – тараторил я и не мог поверить, что это происходит. Я знал таких девушек. Им нравились напористые хамы. Теперь у меня есть преимущество – возраст. По крайней мере, я надеялся, что это преимущество.

– Угу, – разочарованно сказала Марина и сощурилась.

Я слышал, как что-то сильно ударилось в дверь в моей квартире. Я знал, что это у Луки, когда он надевал куртку, опять задрался рукав рубашки, и Лиза просто с силой тряхнула его, чтобы не поправлять. В этот раз Луке повезло: он не свалился на пол, а стукнулся об дверь, что, наверное, лучше.

Вдруг солнце засветило ярче, свет упал на рыжие растрепанные волосы Марины, зажег их золотым огнем, и я увидел нежные веснушки на ее предплечьях, тугой высокой груди и лице, едва заметные на розоватой, тонкой, прекрасной коже, фарфоровой, налитой свечением и юностью.

Если я продолжу смотреть на эту девушку хотя бы минуту, то пойду с ней, куда она скажет. Забуду про бабушку, про Лизу и Луку. Лишь бы прикоснуться к этим чудесным веснушкам. Она смотрит из-под прикрытых ресниц, выпускает алыми губами густые кольца дыма. Я должен бежать от нее, спастись. Иначе будет поздно.

Махнув Марине на прощание, я вышел из подъезда и побрел к остановке. Я должен казаться бодрым. Я начинаю новый рабочий день. Навстречу мне проходили хмурые призраки в одинаковых дутых темных куртках.

Я еду в маршрутке до конечной. Мне кажется, что все смеются надо мной. С преувеличенным интересом смотрю беззвучную рекламу на экране. Я думал о Марине. Я так обрадовался ей. Обрадовался приглашению, хоть это и нелепо. Неужели, она правда хочет этого, хочет меня? Все это показалось мне грязным и подлым. Я устыдился и стал думать о Луке. Я себя заставил. У меня был целый час, и я мог думать о нем сколько угодно.

Имя выбирала Лиза. Я не ожидал от нее ничего подобного. Мне казалось, она упрется в Александра. Александр – универсальное имя на все времена и эпохи, как Анна для женщины.

Я узнал, как зовут моего сына спустя два дня после его рождения. Лиза родила его ночью 19 июля 2007. Мне было 22, ей 29.

Входили в моду совместные роды. Они были платными. Двести долларов, символически, но все же. Я решил не идти. Ночью я прекрасно выпался один на нашем зеленом диване. Я чувствовал блаженство – Лиза не ворочалась, не охала, не лягалась шершавыми пятками. Наутро сын уже существовал в моей жизни.

Днем я съездил на Савеловский рынок. Купил крошечные комбинезончики с вделанными варежками, несколько рубашек (почему-то без пуговиц, но мне сказали, что так надо), большую мягкую штуку, обшитую клеенкой с голубыми цветами, на которой пеленают младенцев и тонкий ершик, чтобы промывать бутылки для кормления. Я купил две соски для новорожденных с надписью «Papa is the best», подушку с утенком для Лизы и желтый гелиевый шарик, наверное, для себя. Я складывал покупки в большой белый пакет, а потом отвез его домой.

После обеда я купил яблоки, связку бананов, печенье и сок. На коробке было написано «Нектар манго» и нарисован красиво разрезанный фрукт. На кассе мне дали черный пакет с надписью «Найк». Его я отвез в роддом и передал медсестре в приемном, вписав свою фамилию в журнал передач и посещений.

Стоило мне закончить дела, как меня охватило неуютное чувство. Я не знал, куда себя деть. Тогда, решив, что так полагается, я напился. В тот вечер я в последний раз зашел в магазин, купил бутылку виски за четыреста двадцать рублей, две затвердевшие сосиски в тесте,

две сыроватые самсы, чтобы съесть по одной сейчас и по одной утром. На случай, если вдруг вечером мне еще захочется поесть, я купил пачку семечек.

Я пил свой виски часов пять или шесть, разглядывал скрипача в передаче "Минута славы", смотрел комиссара Рекса: это где овчарка не разговаривает, но умнее людей и ловит преступников, слушал международные и криминальные новости и совершенно забыл о Лизе.

Утром, плавающими от похмелья глазами, я обнаружил в телефоне сообщение, где говорилось, что нашего ребенка зовут Лука. Лука – несерьезное имя, почти как имя Никита, которое мне всегда нравилось. Даже когда вырастет, человек с таким именем будет восприниматься немножечко маленьким. Я представлял себе хитрого русского мужика, за которого могу быть спокоен. Я был в восторге.

Когда он появился на свет, мама Лизы перевела на нашу карту "Кукуруза" огромную сумму в пятьдесят тысяч. На радостях, мы только и делали, что ели бутерброды с ветчиной и сыром и пили колу. Это было хорошее время. Мы были друзьями.

Здорово, что Лука родился летом – мы много гуляли в первые два месяца, когда он только появился на свет.

Когда он ходил в садик и теперь, в первый школьный год, мы с Лизой не переживали насчет модных дней Рождений в батутных центрах и аквапарках. Летом предполагается, что дети уезжают на дачу, в лагерь, в отпуск с родителями. Мы себя вели, да и сами в это верили, будто мы тоже куда-то уезжаем, и нам не нужно никого приглашать.

Я думал о Луке, испытывая умиление и счастье. Я знал, что скоро эти чувства закончатся, и я снова буду ощущать себя виноватым. Я не умею радоваться. Мне нужно быть несчастным и мне всегда должно быть стыдно.

Я не заметил, как дошел до офиса. Руслана не было на месте. Женщина-Зума даже не подняла на меня головы. В комнате холодно, заняться было нечем. Я достал из нижнего ящика старую флисовую кофту на молнии и надел поверх свитера. Сходил на кухню, чтобы сделать чай. Мне захотелось кофе. Я заглянул в шкафчик Сони, осторожно, чтобы ничего не просыпать, положил из банки ложку кофе себе в кружку, положил две ложки сахара и вымыл ложку. Я все аккуратно протер и вернулся на место, сел прямо напротив Зумы. Я решил, раз уж сегодня день размышлений, обдумать свою работу. Подумать о своей карьере, если ее можно так назвать.

Я закончил финансовый колледж, где учился на специалиста среднего звена по специальности экономика и бухгалтерский учет. Мы только и делали, что пили дешевое Очаковское пиво в пластиковых баклажках. Помню постоянное чувство голода и безразличие, будто смотрю на себя со стороны, когда нужно было принять решение: купить еды или бутылку коричневой жижи, похожей на мыльный дегтярный раствор. Помню неловкость и жалкие попытки отвертеться от заданий, связанных с таблицами, потому что дома у нас не было компьютера. Я учился в колледже 3 года, закончил его в 19. Составлять таблицы я так и не научился. Бухгалтер из меня вышел никакой.

По объявлению на сайте я нашел работу в дорогом торговом центре. Ехать туда было больше часа, но мне нравилось это время, я мог не думать ни о чем, читать в дороге и разглядывать людей. Мои обязанности заключались в том, чтобы принимать поставки товара на торговой точке, вести его учет, общаться с покупателями и повышать продажи. Товар никто не покупал, новый товар не завозился, продажи я повышать не умел. Я целыми днями катался по залу в кресле на колесиках и пух от безделья. Наконец, точка закрылась.

После этого я работал в сотовом салоне, где невнятно мямлил покупателям тусклым бесцветным голосом характеристики и цены телефонов.

Опыт сидения на точке, торгующей офисной мебелью, помог мне устроиться в офис конкурирующей компании.

Моя должность называется ассистент по работе с базой данных. Я именно тот человек, про которого говорят: «он ничего из себя не представляет, но раз он приходит каждый день

и сидит, наверное, мы не зря платим ему зарплату». Женщина-Зума – моя прямая начальница. Здесь я занимаюсь разными проектами. Когда генеральному нужны данные о продажах в нашем сегменте, я ищу эти данные в интернете, аккуратно оформляю и приношу ему. Когда ему нужно узнать телефон специалистов, которые работают у конкурентов, я звоню в эти фирмы, что-нибудь вру и добываю эти телефоны. Когда он подумывает нанять агентство для продвижения фирмы в интернете, я исследую рынок, собираю отзывы и отправляю их. У меня хорошо получаются несложные нудные задания. Я успокаиваюсь, стараюсь выполнять их добросовестно. Мне кажется, что я делаю важное дело. Десятки раз я представлял, как мне дают новую должность, свой кабинет, повышают зарплату. Но почему-то в моей работе всегда находится изъян, недосмотр или глупость.

Я влетаю в кабинет генерального, словно майский жук, и жду, что он меня похвалит. Вместо этого он недипломатично кривит рот и сухо благодарит меня. Не помню, взглянул ли он на меня за все время хотя бы дважды. Он никогда не говорит, что именно я сделал не так.

Сегодня день зарплаты, сегодня короткий день. Спокойны только Руслан и директор. Все остальные сучат ногами под столом от нетерпения. В день зарплаты я всегда покупаю две горячие слойки, соленую и сладкую, с ветчиной и сыром и с яблоком и съедаю их, встав за колонной вестибюля метро. Это мой ритуал.

Я сижу в интернете, отчет не закончен, но мне лень его делать. Я жадно ищу в интернете следы азиата, скачиваю базу жителей Москвы и Подмосковья, ловлю вирус на рабочий компьютер. Напрягая все свое внимание, цепляюсь за списки сотрудников каких-то ведомств, но так ничего и не нахожу.

На меня свалилась неодолимая усталость. Списки – это скучно. Глаза сами косятся на рекламные ссылки. В конце концов я погружаюсь в их мультяшный мир, в чтение материалов об упражнениях, которые я никогда не буду делать, разглядывание домов и машин, которые я никогда не куплю.

Пять часов. Я встал в очередь к окошку. Передо мной стояла женщина-Зума. Я заметил, что спина ее бледно-синего пиджака вся усеяна катышками. Очередь двигалась быстро.

– Так, – бухгалтерша послушав палец, – Ярослав – двадцать пять.

Она подняла на меня презрительный взгляд. Я поразился, что она знает мое имя.

Я положил деньги в карман. Во рту уже чувствовался вкус горячих слоек.

– Слава, ты сейчас куда? – Руслан стоял посреди холла. В его глазах мерцало дружелюбие.

– Я? – Голос у меня трусливо сорвался, – домой, наверно.

– А может, это, пойдём, посидим в кабаке? Угощаю.

Женщина-Зума долго поворачивала голову, пока ее мутные глаза не уткнулись прямо в меня. От слова «кабак» и взгляда Зумы мне стало не по себе.

Второе приглашение за день. Может, это знак? Как в кино. От Руслана веяло беззаботностью и праздником. Хоть на час вырваться, чтобы ослабела скука.

– Конечно, пойдём, – сказал я и стал вспоминать, как себя вести, когда тебя кто-то угощает.

Мы вышли на холод. Он был приятным, непривычным, наверное, потому что я был не один.

– Поедем на метро?

– Нет, поймаем тачку, тут недалеко.

Мы пошли к шоссе.

– А твоя машина? Здесь оставишь?

– Конечно. Завтра на метро приеду. В метро тоже, знаешь, классно прокатиться. Познакомишься с кем-нибудь, возьмёшь телефончик. А, ну ты же знаешь! – Руслан расхохотался, хоть я ничего и не знал.

– Сколько? – Спросил водитель на старом форде.

– Триста.

Я держался отстраненно. Мне было неловко, что за меня платят.

– Поехали.

– Поехали! – Крикнул Руслан и замахал руками, хоть я стоял в полутора метрах от него.

Мы двинулись на Павелецкую, чему я несказанно обрадовался. Мой путь домой сократился на треть. В дороге Руслан говорил о себе, мне нравилось. Я кивал и смотрел в окно. Забытое ощущение пассажира на заднем сиденье. Мне было легко и приятно ехать вот так, слушая болтовню Руслана.

Кафе было обычным. Российским. Никаких наворотов, чего я не люблю и где буду чувствовать себя неловко. Приглушенный свет ламп, заспанные официантки, пыльные бра. Деревянные стулья и синие больничные скатерти на столах.

Оказалось, что нас ждали. Как только мы зашли, Руслан принялся кивать и улыбаться какому-то брюнету. Рядом сидел светло-рыжий тип с бугристой глупой рожей. Он надувал губы и настороженно смотрел на нас.

– Это твои друзья?

– Да, отличные ребята, сейчас познакомишься.

– Я думал, посидим вдвоем, – мне почему-то стало страшно.

– Ну да, – Руслан озадаченно почесал затылок, – но это ведь мои друзья. Я с ними раньше договорился, ты не против?

Как я мог быть против?

Мы подошли к столику.

– Андрей Лапин. Здорово, – брюнет протянул мне руку.

– Ярик, – представился я.

– Ярик это Ярослав, Слава?

– Ну да, – ответил я, скрывая разочарование. Вообще я всех людей делю на тех, кто называет меня Ярик, это мои люди, и тех, кто Слава. Яриком меня называла Камилла. В школе я был Славой. Когда пытался кого-то просить называть себя Яриком, люди удивлялись. Некоторые считали, что и имени такого нет Ярослав, его не бывает, как слова притула. "Как твое полное имя?". Славослав, как же еще?

– Это вы вовремя пришли. Мифон хотел сожрать всё сам, раз вы опаздываете.

Я посмотрел на рыжего, который впрыскал пересаживался к стене, уступая мне место.

– Ярик, – я протянул ему руку.

– Дмитрий, – буркнул Мифон.

На столе были две литровые кружки с пивом, блюдо мясной нарезки, графин водки и большая тарелка салата из кальмаров. Со стороны Мифона в салате шла глубокая траншея, рядом блестела жиром облизанная вилка.

Андрей поймал мой взгляд.

– Что я тебе говорил, Мифон уже поковырялся!

Мне стало весело.

– Слава, что будешь пить? – Спросил Руслан.

Я попросил пива и фисташек.

– Божественно, – Лапин отпил из своей кружки, – а вы знали, что викинги, да вообще скандинавы, до того, как приняли христианство, представляли себе рай местом, где в изобилии есть пиво, свинина и мёд? Они вечно покоятся после битв, едят, пьют и наслаждаются...

Мифон криво улыбнулся.

– Ого, класс! – Сказал Руслан.

– Да, ничего так, – зачем-то сказал я.

– Ничего?! Знаешь, Слава, я люблю историю. Читать о великих, их свершениях. Главное понять, как они достигли того, чего достигли. Наполеон. Знаете?

– Еще бы! – Руслан радостно фыркнул, – «Скажи-ка дядя, ведь недаром, Москва, спалённая пожаром»...

Пока мы готовились хором закончить четверостишие, Мифон стащил с мясной тарелки ломоть сала, быстро сунул его в рот и стал жевать, глядя на нас с преувеличенным интересом.

«Французу отдана», – сказали мы в унисон.

Официантка принесла пиво мне и Руслану. Поставила фисташки в вазочке для мороженого. Руслан заказал солянку.

– Наполеон, – Лапин продолжал, – Мы думаем, великий император, полководец. Поднял под себя всю Европу. А вы знали, что до того, как он пришел к власти, его ненавидели собственные французы? Все: буржуа, духовенство, крестьяне, все ненавидели его! Русские на полном серьёзе считали его антихристом. Почитайте хотя бы «Войну и мир». Для русских того времени он – сам сатана. Разве это ему мешало? Нет. Плевать он хотел. На истерию не повелся. Жил как хотел, на полную катушку. Всё успел, всё получил. Красава, вот у кого надо учиться.

– Ну да, – протянул Руслан.

Мифон отрешенно жевал сало. Наверное, ему попалась кожаца.

– Или вот Калигула. Вы знали, что его настоящее имя Гай Юлий Цезарь Август Германик, а Калигула – детское прозвище, означает «сапожок»?

Андрей был моего роста. Пропорциональная фигура. Широкая грудь. Широкие плечи. У него было красивое лицо, нервное, немного пронирующее и надменное, но это если приглядываться. Ярко-голубые, с очень черными, как будто накрашенными, пушистыми ресницами глаза, аккуратный прямой нос. Одет он был в темные джинсы, свитер с треугольным горлом, под ним белая майка на американский манер. Стригся Андрей как в рекламе, где показывают бизнесменов. Коротко по бокам, наверху волосы лежали назад. Я подумал, что в выборе внешнего вида он копирует кинозвезд. У меня тоже нет своего чувства стиля. Иногда мне нравится одежда в журнале, я иду в магазин, «Смешные цены» или Ostin и стараюсь найти что-то похожее.

Мифон подпирал стену тощим плечиком в черной водолазке, рябой от перхоти. Ниже были широченные небесно-голубые джинсы и бежевые туфельки с торчащими носами.

Андрей рассказывал, как важно быть начитанным, приятным, звонким голосом. Лишь когда он хотел подколоть Мифона, в его тоне появлялся едкий сарказм.

– Ого, ну и бикса! – Лапин толкнул Руслана локтем и показал на молодую пышную блондинку, которая пришла с подругой. Аккуратная, с чистым лицом, смешливыми глазами и ямочками на щеках.

– Да, – Руслан восхищенно цокнул, – познакомимся?

– Слава, тебе как, девочки нравятся?

– Мне вообще блондинки не нравятся, – сказал я.

– Ты ж женатый? – Спросил Руслан.

– Женатый, да.

– Жена у тебя кто? – Уточнил Андрей.

– Блондинка.

– Эх, жизнь штука поганая. Любим одних, а спим с другими.

Мифон с недоверием смотрел на меня, жуя кусок колбасы. Его рот лоснился капельками жира.

– Чего ты пялишься, – вдруг повысил голос Лапин, – сам-то когда в последний раз?

– Ладно тебе, – вмешался Руслан, – оставь парня в покое, – давайте по пятьдесят и пойдем уже знакомиться.

Он подмигнул Мифону, разлил по рюмкам из графина. Мы выпили. Водка оказалась тошнотворно-теплой, почти горячей. Чтобы перебить вкус, я съел семь фисташек одну за другой.

– Не могу, – сказал я, расхрабрившись, – надо домой. У меня ребенок на продленке. Должен забрать до семи.

– Жена-блондинка не заберет дитяню? – Спросил Андрей и усмехнулся.

– Блондинка на работе, – ответил я тоном «я создал для нее все условия, но она все равно рвется работать».

– Понимаю, Слав, плавали-знаем. Мы тоже посидим чуток, и домой. Ты давай, не пропадай. Увидимся!

Я встал, пожал руку Лапину, потом Руслану. Мифон не смотрел в мою сторону. «Ладно, до встречи». Я вышел из кафе и тут же закурил. Курить было приятно. От алкоголя чуть кружилась голова. На входе в метро меня обдала знойная волна. Возбуждение спало, я поехал домой.

Возле школы вспухший от бухла физрук катал детей на лыжах вокруг забора. Места было мало, катались дети так себе. То и дело какой-нибудь неуклюжий мальчишка падал на снег, и на дороге образовывалась лыжная пробка.

Я поднялся по широким ступеням на первый этаж. Попросил охранника вызвать Луку. «Первый Б, Берсенев». В школе я и Лиза жмемся к бабушкам, они смотрят с жалостью и дают полезные в быту советы. Но в это время в холле пусто, и поговорить мне не с кем. Я сел на скамейку в проеме между колоннами и стал ждать. Одна колонна была обклеена плиткой под морские камешки. На ней зачем-то болтались три куска скотча. Вторая колонна разрисована чьей-то неумелой рукой. Если присмотреться, видны готические рожи.

Я забираю с продленки Луку, вхожу с ним в квартиру. Лиза вернулась. Она греет ужин – ту же гречку или макароны. У Лизы на работе бесплатные обеды, Лука обедает в школе. То, что для меня третий прием пищи – для них второй. Мы принимаемся есть. Лиза, уставившись в телефон, который прячет под клеенкой. Лука с аппетитом. Я ем, потому что замерз. Лука кушает быстро, стараясь не расстраивать маму, хоть ему и невкусно. Лиза медленно жует, равнодушно глядя в тарелку. Иногда она встает, чтобы дать Луке еще кусок нарезанного в магазине батона. Она отставляет тарелку, на которой уже начинают подсыхать зернышки гречки, и ждет, когда я ее вымою. Я бросаюсь поставить тарелку в раковину, заливаю ее кипятком из чайника и делаю чай. Лиза пьет без сахара. Я люблю сладкий чай, но экономлю и тоже пью без сахара. Луке я кладу три ложки. Мы едим овсяное печенье или ушки из слоеного теста, посыпанные сахарной пудрой.

У нас есть час до сна. Лиза идет к компьютеру, проверяет свою ферму. Я сажусь на диван – вижу, что Лука мнетя вокруг меня, ему хочется что-то со мной поделать, но меня накрывает странная волна раздражения. Он говорит, но я не понимаю его речи. Я слышу и улыбаюсь, говорю: «Да, ага». Лука все еще ждет чего-то, его глаза светятся, глядя на меня. Я поймал себя на мысли, что хочу, чтобы он был, как я. Никуда не стремился, ничего не хотел. Сидеть бы с ним вечно на этом диване. Есть. Но ему зачем-то надо заниматься, куда-то идти, играть, что-то строить. У него горят желанием глаза. А я хочу его к себе. В топъ.

Наконец, долгий час подходит к концу. Лиза укладывает Луку, расправляет его одежду и вешает ее на спинку стула рядом с его кроватью. Лиза идет в душ, а я подхожу к компьютеру, сам не зная зачем, проверяю почту.

«Кто не сдал на книгу по чтению – завтра последний день, когда еще можно сдать. Деньги приносите утром к школе. Поторопитесь. Покупаем на тех, кто сдал. В кассе денег нет!!!!».

Я не хочу, чтобы Лиза расстраивалась. Нажимаю «Спам», потом «Удалить». Переодеваюсь и укладываюсь в кровать с непроницаемо-глупым лицом. Наконец, она выходит, усталая, красная. Я отодвигаюсь от стены, давая ей лечь.

Я уже не помню, как случилось, что мы не можем прикоснуться друг к другу, ее прикосновения все во мне переворачивают, все во мне противится. Сладкое электричество напряжённо набухает внизу живота. Сначала я пугался этого, но потом понял, что это говорит долго подавляемое желание.

В плотном молчании пристраиваю локоть в пустоты слежавшейся подушки. Сухое перышко царапает мне глаз. Матрас продавлен тяжестью наших тел, он помнит наши очертания. Меня трясет, когда я чувствую тепло, которое исходит от нашего белья.

Поток машин за окном становится все тише. Люди возвращаются к родным. Весь вечер будут говорить, смеяться, кто-то будет благодарно восхищаться. А кто-то даже займется любовью. 23:45, мы ложимся спать, не сказав друг другу ни слова.

Глава 3 Лиза

Папа, папа, мы в лесу,
Нам здесь темно и страшно.
Как нам твой выполнить наказ?
Папа, папа, помним мы
Дорогу, но напрасно
Сторож злой не пускает нас.
Старая еврейская песня

Черные руки и ноги смотрят на меня через монитор. Неестественно широко раскрытые, застывшие глаза, сведенные судорогой мышцы. Сначала я не понимаю. Показалось, меня выбросило на порно, мелькнула мысль о вирусе, что я каким-то образом заразил Лизин компьютер. Что Лиза меня убьет. Потом я вижу маленькие приписки под этими фотографиями. Я фокусирую взгляд. Знакомый дизайн сайта. Это чат. Чат Лизы с неким Master_K.

Master_K: Не бойся непонятного. Оно манит тебя, я же чувствую. То, что непредсказуемо, на самом деле и приносит наивысшую радость. Радость наказания. Тебе нравится?

Лиза: Я не знаю.

Master_K: Я чувствую, что тебе нравится. Знаю, что ты вся напряглась. Ты боишься. Мне хорошо, когда ты немного боишься. В этом азарт и новизна, понимаешь? Мне интересно и тебе интересно. Ты нужна мне, я хочу отдавать тебе свою теплоту и заботу, хочу видеть, как твои глаза горят благодарностью ко мне, а из глаз текут горячие соленые слезы.

Мы все живем порочно, скучно. Скука на самом деле есть грех. Я хочу разбить твою скорлупу, Елизавета. Хочу освободить тебя, твою Душу из обители скуки. Ты чувствуешь это? Если да, потрогай себя, Лиза. Сделай мне приятно. Не отвергай поток, слейся с ним в единое целое, пропусти через себя.

Я хочу показать тебе высшее наслаждение. Ты узнаешь, как это, когда твое сознание раздваивается, ты одновременно находишься «здесь» и «там», а твоего тела не существует. Боль. Искушение. Прощение. В конце ты полетишь, подпрыгнешь, тебя будет плющить, распиравать во все стороны. Доверься мне, малышка, будет о-о-очень хорошо. Ты хочешь быть со мной? Хочешь попробовать?

Лиза: Как ты заметил это во мне, как смог разглядеть? Я чувствую в себе необходимость быть слабой и незащищенной в руках Того Самого. Без тебя жизнь теряет краски. Я вроде живу, но как бы не в реальности. Все сереет... События теряют свою ценность, даже самые близкие люди не могут завладеть моим полным вниманием. Но эмоции рвутся иногда наружу, когда ни с того ни с сего срываюсь вдруг на невинном ребенке или на работе и понимаю, что они-то точно не виноваты в моем состоянии!

Сидит внутри крошечный жучок, жучок-древоед. Он медленно жует мои недра, где-то в районе солнечного сплетения. Оно все время в напряжении. Такое сосущее-ноющее чувство, которое пищей не заглушишь. Водой не зальешь. Когда я представляю твои глаза, удовлетворенные, довольные, «сытые», я понимаю, что это я дала тебе это.

«Какие глаза? Если это переписка с той свиньей, что я видел на Маросейке, какие могут у него быть глаза? Как ты вообще их видишь, Лиза?!».

Для меня это неопишуемые ощущения. Когда мы переписываемся здесь, это дает возможность мне существовать среди обычных людей, искать, жить, дышать. Общаться и не думать о постоянной боли, которую невозможно унять.

Master_K: Это голод. Ты говоришь о состоянии, которое вызывает желание бросаться на стены, царапать в кровь плоть. Горишь изнутри.

Я научу тебя получать удовольствие не от боли, а через нее. От предвкушения и сладкого страха. От эндорфинов. Я подарю тебе массу положительных эмоций: мою нежность, парадоксальность ситуаций, свободу внутри, полет и оргазмы. Главное, не терпи боль, не выдерживай ее, а пропусти через себя, окупись и плыви. Не сопротивляйся ей, тогда и удовольствие не заставит себя ждать. Поверь мне, сладкая, ты должна мне верить.

Я листал омерзительные картинки. Женщина, связанная, как ошипанная курица, губы застыли в сардонической улыбке. Еще женщина, ей в рот засунули что-то квадратное, похабное, пластмассовое. Руки перетянуты пластиковой стяжкой. Остекленевший взгляд, в центре кляпа пластмассовая круглая дыра. Еще одна, с бескровным лицом, раздетая, привязанная к андреевскому кресту. Я отвернулся. Открыл профиль Мастера К: морда не вмещается в рамку аватара – это несомненно он. Спортивные мотоциклы, мрачные лофты с битым кирпичом, в друзьях сплошные блондинки, 40 лет, из Павлодара, Мухаметшин Кирилл. Вот так я узнал его имя.

Мне нужно было выплеснуть из себя все, что я увидел. Чем-то равно шокирующим. Ледяная ванна подойдет. Не резать же руки, в самом деле! Я пошел, набрал холодной воды и высидел в ней десять минут. Тело колело, жгло холодом, я понемногу успокаивался. Когда я вылезал, залил пол. В мокрых тапках была непривычная мягкость, будто боковины и подошвы состояли из морских немного колючих губок, напигованных водой. Мне было неприятно в них ходить. Я погрузился в тишину, я потонул в ней и понял, что никогда не хочу возвращаться.

Как ни в чем не бывало, Лиза стояла в коридоре, оттирала газетой с зеркала следы от ладошек Луки. На её пальце кольцо. То ли серебро, то ли белое золото. Она проследила мой взгляд. «Купила». Я вижу, она врёт.

– Приезжает мама, – сказала она вот так просто, – на Старый Новый год.

Смотрит мне в глаза, румянится лицо, глаза прозрачные.

– Слава, чего ты молчишь? Перед матерью хоть не позорь нас. У нас остались с зарплаты деньги, ты хоть что-нибудь отложил? Когда ты в последний раз покупал ребёнку фрукты? – Она переходит на визг.

Я ничего не отвечаю, думаю о вишне. Худшее лето в моей жизни. Я не мог купить Луке фруктов и ободрал на улице дикую вишню. Стоял жаркий ветреный июль. Я рассовал вишню по карманам и пошел к своему подъезду, не глядя на недовольную собачницу в брендовом спортивном костюме с дорогой бел шерстной собачонкой. Наперерез прошел бродяга в остроносых мраморно-голубых туфлях. На его плече болталась экологичная авоська для продуктов. Он наверняка думал, что неплохо упакован. Я понял, что завис где-то посередине.

Зашел домой, руками освободил от косточек тугую мякоть и сложил ее в чашку.

– Кислые, – сказал Лука, – мне нравится.

Он все понял и простил меня. Я был готов отдать весь мир за его "мне нравится".

В интернете я читал, что изменщики агрессивны. Они чувствуют себя виноватыми и срывают злость на муже или жене. А еще у них появляются новые вещи.

До этого мне выдали предновогоднюю премию, сжалились – три тысячи. Одну тысячу тут же заставили скинуться на новогодний корпоратив. Когда тишина ослабевает, я думаю, что на оставшиеся две тысячи куплю Луке конструктор, и мне становится легче.

Я еду в маршрутке, спускаюсь в метро мимо бабки, просящей деньги на коленях. Я даже не уверен, что она старая, но ей охотно подают. Иногда мне кажется, что это загримированный военный – какая нужна выдержка стоять по 10 часов на коленях!

Вагон пропитала усталость, грусть и беспокойство за каждый не наступивший день, запахи запоя, карамели и стиральных порошков. Рядом со мной молодой еврей с черными усиками, выбритыми висками и забавным хохолком, как у птицы. Под расстегнутой синей курткой на нем надета майка: Евреи за Иисуса. В слове "За" гласная нелепо сконструирована из звезды Давида. В руках у него плохо отпечатанная брошюра "Евреи за Иисуса. Отпразднуйте

Хануку вместе с нами". Он невысокого роста, щуплый, с острым тоненьким носом. Стоит на напряженных ногах, на лбу выступили капли пота. Спокойно смотрит внутрь себя красивыми глазами, печальными и скорбными. Глазами, от которых не спрячешься, никуда не уйдешь.

В вагоне не протолкнуться. Люди, нахмурившись, прилепились один к другому. Они пихаются локтями, наступают друг другу на ноги, а за места возле выхода идут настоящие войны. Я ни с кем не дерусь, не спорю. Мне выходить на кольцевой. Я точно знаю, что в нужный момент поток меня подхватит и вынесет на перрон вместе с доброй половиной вагона. А вот остальным не помешало бы научиться выдержке. Нельзя быть такими нетерпеливыми. Им бы брать пример с моей Лизы, она любого научит терпеть что угодно.

Как я уже говорил, Лиза родилась в Средней Азии, во Фрунзе. Сейчас это Бишкек, столица Киргизии. Пока не встретил Лизу, я даже не знал, что существует такая страна.

Ее отец, Александр Абент, был евреем. Он родился в 1933 году в местечке Дашев в Винницкой области. Там, где столетиями шумел остро пахнувший рынок, в тридцатые годы разбили сквер. В центре его высился вездесущий Ленин. Вождя окружали непривычные для рыночной площади нежные, тонкие молодые деревья. Во все стороны от Ленина, как паучьи лапы, расползлись асфальтированные дорожки. Можно было отдать дань вождю, а после по дорожкам дойти до домов партсовета, почты, овощного магазина и больницы.

Раньше в тех домах жили богачи. Счастливые богачи, успевшие сбежать в Америку до 1924 года, когда был принят акт Рида-Джонсона, и конгрессмен Уильям Вайли заявил: «Северные европейцы, и в частности англо-саксонцы создали эту страну. Ах да, другие помогали. Но в этом случае это исчерпывающая формулировка... Они дополняли её, они часто обогащали её, но не они её создали, и пока что они ещё не сильно изменили её. Это хорошая страна. Она устраивает нас. И мы заявляем, что мы не собираемся сдаваться кому-либо или позволить другим народам, независимо от их заслуг, сделать из неё нечто иное. Если потребуются какие-либо изменения, то мы сделаем это самостоятельно».

Таким образом, богачи уехали, а бедняки нет. Зато им достался сквер, памятник и овощной магазин. Неизвестно, кому больше повезло.

Единственная гостиница была закрыта. После захода солнца электричество отключалось на несколько часов, не было воды и отопления. Сразу за хорошими домами начиналось, что называется, типичное местечко: убогие постройки, непролазная осенняя грязь; кривые заборы угрожающе нависали над хилыми, больными огородами. Где-то они отклонялись, держась непонятно на чем, представляя прохожим обзор двора. Смотрите мол, нам нечего скрывать.

Александр был последним, единственным сыном из пятерых детей в семье Абы и Шейвы Абент. Четверо других не дожили до тринадцати лет, умерев от истощения, пневмонии и тифа. Его родителям было почти пятьдесят, когда он появился на свет. Отец Александра, Аба Абент, работал водоносной. По вечерам он развозил воду на телеге и приторговывал пирогами, которые пекла его жена, Шейва.

Никто никогда не слышал, чтобы Шейва Абент жаловалась на судьбу. Она вставала затемно, разжигала керосиновую лампу, разводила огонь и раскатывала тесто, напевая протяжные нигуны. В пять утра Аба Абент надевал тулуп, который он носил зимой и летом, запрягал худую лошадь, которая едва стояла на ногах, в скрипучую повозку, заставленную бидонами, укладывал в нее пироги и, не спеша, подбадривая кобылу, ехал к реке за водой. На общественной лестнице он стоял только выше неевреев-чернорабочих и меламеда.

Когда пришла советская власть, Аба Абент, как и большинство евреев, оказался без прав в новом обществе. Нехватка сырья привела к тому, что торговцам стало нечем торговать. Не с чего было месить пироги, да и кто мог их теперь купить? Аба Абент вместе с тысячами других людей остался без средств к существованию. Ему приходилось надрываться ради куска хлеба.

Два раза в неделю Шейва пекла черный каравай. Его сушили. Считалось, что чем черствее хлеб, тем меньше его съешь. Вдобавок, в 1922 году Абу объявили лишенцем, записав в торговцы. Аба Абент и его семья осталась без продовольственных карточек.

Аба Абент еженедельно ходил в «Допомогу», выпрашивая хоть какую-то работу. Ему помогали: копеейкой, зерном, ношеной обувью. Так продолжалось до 36-ого года. Когда Сталин восстановил лишенцев в правах, Аба Абент пришел работать в эту «Допомогу». Он занял место буфетчика в трикотажной артели, его семья стала получать бесплатные обеды.

Хоть Аба Абент зарабатывал мало, в месяц редко получалось больше сорока рублей, он не унывал. Домашние вздохнули с облегчением. Расширили огород, завели корову и свиней. Теперь на завтрак у них была перловка и молоко, на обед борщ с кусочком селёдки, на ужин – хлеб и каша из кукурузной муки.

Аба Абент никак не мог взять в толк, почему советская власть так ненавидит его веру. Бывало, он подолгу сидел один в тишине, когда в канун Песаха или Рош-ха-Шана читал в газете об очередном собрании, где «трудящиеся выносили решение», что их праздники не те, что у «тёмных клерикалов», а пролетарские, и они будут к ним готовиться с пролетарским рвением.

«Большевики не правы, что так насели на все еврейское. Как могут седобородые евреи оскорблять Шаббат? Свадьба должна быть свадьбой, обрезание обрезанием, а иногда и помолиться не худо и кому это назло? Ленин – великий человек, но Моисей, Давид, Виленский гаон, что, уже ничего для евреев?» – говорил Аба Абент Шейве, когда вся семья собиралась возле радио и с глазами, выпученными как у птиц, внимательно слушала сообщения о ходе хлебозаготовок в Белоруссии.

Он не отказался от соблюдения кашрута, хоть и сохранял его весьма своеобразными способами. Так, на шаббат они готовили чолн со свининой и пекли халу в виде серпа и молота. Странно было видеть, как Аба Абент с развевающейся по ветру седой бородой идёт в первых рядах на демонстрации в честь Красной Армии и вместе со всеми увлеченно поет русские песни.

Со временем дела пошли настолько хорошо, что Аба стал подумывать, не возобновить ли ему прошлое ремесло. Он шел на нелегальный рынок, покупал картошку по тринадцать рублей за пуд и мешок муки за четыре рубля. Шейва снова месила свои пироги. По вечерам Аба осторожно пробирался во дворы, опасаясь пьяных и сторожевых собак, и стучался в дома, заискивающим голосом предлагая купить у него пироги. Главной мечтой Абы Абента было, чтобы его младший сын, Александр, поступил на тракторные курсы в Виннице.

Через несколько лет пришли немцы. Аба Абент сделал всё, чтобы сын уехал раньше, в начале июля, вместе с основным потоком эвакуированных в Среднюю Азию. «Смотри, не вздумай заболеть до тех пор, пока не попадешь на место, – сказал сыну Аба Абент, – Иначе помрешь в дороге, не успеешь и в училище поступить». Затем он запечатлел на его лбу прощальный поцелуй.

Мальчик залез на повозку, зарылся с головой в жесткое сено и покинул родной дом. Восемилетнего Сашу вывезли тайком, спрятав в телеге под грудой ветоши.

В первые дни гестаповских арестов в окрестных селах было сметено пятнадцать тысяч человек. Старики Абент не дошли даже до грузовика, который должен был их отвезти к расстрельной яме. Абу застрелили точным выстрелом в висок. Шейве, кинувшейся на офицера, немецкий солдат раздробил череп мясным топориком.

Детей закапывали живыми, убивали на глазах у матерей, подбрасывали в воздух и стреляли на поражение, кололи штыками, бросали живыми в огонь. Александр Абент всего этого не видел. В это самое время он сидел в поезд на станции Жмеринка, направлявшийся во Фрунзе. Он запомнил смерть, вшей, кровь и грязь, пока дребезжащий состав бесконечно медленно вёз его в далекую горную местность. На место назначения поезд прибыл лишь к зиме, и Сашу сразу определили в детский дом.

В низком, сыром, тесном сарае, рассчитанном на тридцать человек, жило сто детей. Дом был полон крыс. В раковинах сновали черные мокрицы. Спали по трое на ржавых койках. Топлива не было, после завтрака дети бродили по улицам, собирая ветки и бумагу. Старшие бегали на вокзал, подбирали уголь, валявшийся вдоль путей. Мылись раз в месяц в общем корыте. Овощи, крупа, дрова, одежда хранились прямо в спальнях, сваленные в огромные кучи. Ночами Александру казалось, что куча живая, она мудро и внимательно изучает его.

Саша всегда был голодным и полураздетым. Он мечтал о ста граммах хлеба с опилками, который раз в день выдавала багроволицая повариха. Эти сто грамм снились ему каждую ночь.

Зимой дети мерзли, болели тифом и чесоткой. Лечили их тем, что было под рукой – мазали дегтем с головы до ног. Все они были в лохмотьях и чирьях, все были истощены.

Летом, когда вызревали райки и дикие абрикосы, детский дом мучился от отравлений. Этот сладковато-кислый запах преследовал потом Александра всю жизнь. С тех пор он стал рьяным поборником чистоты и гигиены.

Война закончилась и то, чего так долго ждали – благополучие, свобода, изобилие, как будто провалилось в таинственный временной портал. Из невыносимой жизнь превратилась в терпимую, хоть в газетах писали о счастье.

Я видел фото из семейного архива. Подростком Саша Абент был похож на гадкого утенка. Он раздобыл на помойке женские ботинки сорокового размера, так называемые «бессарабки». У них были лакированные носы и пятисантиметровый каблук. На той фотографии Саша Абент стоит в этих бессарабках. Худой и хилый, с огромным носом. На круглой голове висят черные сальные волосы, причесанные на прямой пробор как у полового в трактире. Узкий лоб и впалые щеки пылают ярко-красной россыпью прыщей. У него было кислое выражение лица, глаза старика и скверный характер.

Людей он выносил с трудом. От них пахло, они кричали, говорили много лишнего. Саша Абент любил природу. В детском доме он утверждал, что сквозь грязные окна видит, как растут растения, что понимает язык птиц и некоторых, не особо крупных зверей. Его за это били учителя.

Когда били, Саша Абент терпел молча. Он мог терпеть долго, почти целый час. Экзекуция закачивалась, Саша натягивал штаны на тощий зад, презрительно сообщал разгоряченному воспитателю, утиравшему пот рукой, прямо в его разгоряченную рожу: «Мне не больно, не дождешься, мне никогда не будет больно!». Его били сильнее и дольше.

Сашу Абента не интересовали игры со сверстниками, не привлекали девочки. Он мог неподвижно сидеть часами и смотреть в одну точку, мечтал стать другом ветру, носиться вместе с ним в степи, в молчании, таком наполненном, что слова кажутся смешными.

Когда у ребят стали пробиваться черные тараканы усы, и воздух комнаты пропитывался по ночам тошнотворной сладкой вонью, Саша Абент услышал, как одна нянечка сказала другой, что неуправляемый жидёнок останется при детском доме дворником. В училище его не отдадут. Уже подписан приказ. Слишком он чудной, слабоумный. Саше стало страшно за себя.

Страх разбухал в нем, мешал уснуть, толкая непонятно на что, прямо спихивал с кровати. В пятнадцать лет бархатной апрельской сиреневой ночью, осторожно ступая по усеянному занозами полу, вздрагивая от малейшего шороха, Саша пробрался в кабинет директора. Украл свои документы и две золотые цепочки из верхнего ящика письменного стола.

Он знал, что в центре, возле ЦУМа, в зной и в холод собираются странные, нехорошие люди. Про них рассказывали дикие вещи: якобы в войну они отсидели в тюрьме за то, что любят спать друг с другом. Якобы многие, большинство из них, тянут без разбору все, что плохо лежит. А еще они могут подделывать документы.

Дрожа от ужаса, еврей Александр Абент отнес свои бумаги и золото этим парням – беззубым, злым, с томлением в глазах и вывернутыми от жеманства конечностями. Через неделю

он вернулся, чтобы получить свое. Длинные языки не ошиблись. Все было сделано в лучшем виде. Саша не вернулся в детский дом.

Александр Авакумович Авентин, русский по национальности, смешно семенил по площади в сторону педагогического техникума. Лакированные каблуки звонко цокали по деревянному тротуару. Сальные сосульки на лбу подскакивали в такт его шагам.

Шутки, которыми его провожали новые знакомые, разносились эхом на много километров вокруг. Александр Авентин вжимал голову в плечи от стыда и страха. В руках у него был пакет со всеми вещами, а в кармане летней полосатой рубахи новые, только что сделанные документы.

К рассвету нового дня Александр Авентин пришел к дверям училища. Раздумывая, как сложится новая жизнь, которую он себе купил, прикидывая, что с ним сделают, если поймут, он уселся на гладкие каменные ступеньки и стал дожидаться открытия, бессмысленно таращась куда-то вдаль.

Через пять лет Александр Авентин уже работал учителем труда в школе имени Аркадия Гайдара. О, что это было за время! Он не вникал в их лица, имена, ставил четверки и пятерки. Звонок звенел, и Александр Авакумович (Авакумыч, как звали его учителя и ученики) водружал на парту посреди класса гладкий, отшлифованный табурет и говорил одно слово: «Повторите».

Мальчишки принимались копать в грудах брусков, стамесок, киянок. Он заготавливал тридцать комплектов деревяшек рядом с каждой партой и оставлял один для себя. Сорок пять минут Авакумыч делал табуретку, кряхтя, потев, но не произнося ни слова. Ученики смотрели и делали ту же табуретку. Это приносило мир его душе: вдыхать неповторимый, свежий запах, ощущать между пальцами приятное, живое, податливое дерево.

Александр Авакумович Авентин двадцать лет строгал табуретки в своем кабинете. Жил он там же, в школе, в смежной с завхозом комнате во флигеле. У него была отдельная дверь и зарешеченное окошко.

На сорок лет Александр Авакумыч сделал себе роскошный подарок – установил в своей каморке самодельный верстак. Огромная конструкция перекрывала почти всю комнату. Спать теперь Александру Авакумовичу придется на раскладушке под верстаком, как в каюте. Он приволок рубанок, пассатижи, клещи, пилу. Прибил для них крючки и полки. Потом вернулся в кабинет труда, принес опилок, оставшихся с урока, и разбросал их по полу.

Какое это было наслажденье! Александр Авакумович лег на пол, поерзал животом по мягким, пружинящим опилкам, зарылся в них лицом, руками подгрребая опилки под себя, словно плавал. Авакумыч остался доволен. Он закрыл глаза. Стружка ласкала его, успокаивала, гладила. Деревянная пыль попадала в ноздри и приятно щекотала шершавые пятки. От восторга Александр Авакумович тихо рассмеялся.

– Простите, товарищ, – услышал он голос у себя над головой.

Авакумыч вздрогнул и сел на полу. Голос принадлежал женщине. Невысокая, плотная, как бочонок меда, а ноги худые. У нее были остриженные соломенные кудри, нахальный вид и маленькая грудь. Волосы напоминали опилки. Она понравилась Александру Авакумовичу.

– Че? – Устыдившись, что его видят в таком положении, спросил он гостью. Авакумыч заметил, что лет женщине тридцать с небольшим, у нее карие глаза, аккуратный нос и красивая осанка. Она была похожа на украинку или на казачку с Дона.

– Меня зовут Лиля. Где мне найти завхоза? – спросила женщина. Про себя она отметила, что у мужчины приятные синие глаза, а над потертой веревкой, заменяющей ремень, валиками нависают круглые бока.

– Я не завхоз. Завхоз будет в десять, – сказал Александр Авакумович, констатируя свою незавидную судьбу.

– А можно я здесь подожду? – Спросила Лиля.

– Ждите, – ответил он. Никакого раздражения не отразилось на его высоком челе. Кашляя, Авакумыч поднялся с пола и равнодушно пожал узкими плечиками.

Сидеть можно было или на верстаке или на раскладушке. Лилия выдвинула раскладушку, аккуратно расправила строгую темную юбку и уселась на вымытую временем зеленую ткань. Она бросила быстрый взгляд на миниатюрные часики: «Полтора часа» – выдохнула Лилия. «Полтора часа» – повторил Авакумыч и уставился на носки своих вельветовых тапок.

Через полгода Лилия и Авакумыч поженились. Сангвиник и меланхолик, крайний верх и крайний низ. Лилия оказалась энергичной и деятельной.

Она родилась в Екатеринбурге в 43-м. Ее родители, педагоги, были заучками с возвышенными идеалами, безумными мечтами и бардаком в комнате в коммунальной квартире. Гоняющие чаи по ночам, не дающие спать маленькой Лиле. Замкнутые на себе и своих идеалах, близорукие, неприспособленные к жизни мечтатели.

До Лили у них была дочка – Маша. Старшая сестренка погибла в 44-м. Лилия ее как бы заменила. Их сравнивали. Вот Маша никогда бы так не поступила (откуда они знают, ей было 3 года, когда она умерла). Мертвая Маша витала в затхлом воздухе комнаты фантомным первообразом, недостижимым совершенством. Маленький осуждающий бог в безрелигиозном мире. Сколько Лилия себя помнила, она старалась наружу и злилась внутри.

В детстве иметь новые колготки было радостью, мясо – блаженством. Родители отщипывали треть своей порции и давали ей. Это помогло Лиле вырасти здоровой. Еда равнялась счастьем. Счастье сесть за шкафом, положить на пол подушку в грязной наволочке, с непонятно кем и когда вышитыми васильками, и есть бутерброд: черный хлеб, лист капусты, тонкий кусок сала и соль. Можно есть долго и вдумчиво, пока тебя обнимает мягкая темнота.

Потом к еде добавились стихи. Стихи как разыгрывающаяся перед тобой красочная картина. Целый яркий мир с интригами, переживаниями. Неподдельный экстаз теснит твою девичью душу. Здесь ты и Керн, и Гончарова, и Полина Виардо. Гуляешь по сумрачным зимним аллеям в красивой меховой муфте и атласном платье, танцуешь на балах, и душа замирает от предчувствия прекрасного.

Первую любовь звали Володя. Он был зеленоглазым, широкоплечим и мог тридцать раз подтянуться на турнике. Володя громко пил, раскатисто смеялся и стрелял глазами. Лилия сразу отдала ему сердце.

Володя был женат. Не на зашкафной Лиле, а на отличнице, на девушке из института, смелой, спортивной, поражавшей высоким ростом и тугими формами. Африканская львица. Сильная, пластичная, солнечная. У них рос сын. Лилия решила: чтобы победить львицу, ей надо стать отличницей. И стала. Поступила в институт на филолога. Принесла ему золотую медаль как сорока в клюве. В награду за труды Володя лишил ее невинности. Увлеч за руку по разбитым подвальным ступенькам в темный угол. Он сделал все быстро, как зубы почистил. Он торопился, а в конце поцеловал ее в макушку – смачно, с чувством.

Лилия вернулась домой и заметила, что волосы у нее растрепались, торчали наверх младенческим пушком, дурацкими пружинками. Лилия переживала, что пушок не понравился Володе, поэтому он так ее поцеловал. Не в губы, а в эти макароны. Она проплакала всю ночь.

Когда Лилия закончила институт, сын Володи порос. Вместе с львицей они родили еще одного, а Лилия пошла работать в школу.

Она годами существовала в электрическом напряжении. Ей казалось, что между ними страсть – невысказанная, непрожитая. По утрам она пересекала пустырь, чтобы сесть на троллейбус, и Володя пересекал его, с одним сыном в руке и другим в коляске. Они встречались, и от любви у нее подкашивались ноги. Володя думает о ней, он к ней хочет. Не к львице, а только к ней. Она ждала, когда наступит лето.

Володя жил с семьей, она жила с родителями. Им негде было встретиться, негде размотать страсть. А летом... Володя играл в футбол на пустыре, а после пил пиво сразу за домом. Лиля видела все из окна. Она выходила, вернее, вылетала из подъезда и, как бы невзначай, шла мимо. Иногда он ее звал. Брал ее, покорную, ошалевшую, мягкую, как тесто, разложив на выгнувшемся тополе. Он любил пиво с сушками, и на губах, на усах она чувствовала кристаллы несъеденной соли.

Лиле исполнилось тридцать, когда у Володи и лвыицы родился третий ребёнок, и она, наконец, поняла, что он никогда не бросит жену. В качестве прощального подарка Лиля написала губной помадой слово «Негодяй» на его входной двери.

Во Фрунзе Лиля отправилась по распределению. На учителей литературы был острый дефицит, и Лиля вызвалась поехать. Все, что она хотела – никогда больше не любить.

Трудовик Александр Авакумыч – неспортивный, с одутловатым лицом, курчавыми валиками на боках идеально подходил для решения этой задачи.

К тому времени Лиля горячо, почти маниакально увлеклась Пушкиным. Она выкрикивала это имя в классе, в телефонных разговорах, в очередях. Над супружеской кроватью висел портрет Пушкина, Пушкин был привязан бельевыми веревками к кухонным часам. Входя в дом, первое, что вы видели, был круглый, в темной раме, портретик Пушкина в прихожей. Лиля даже думала, не стащить ли Пушкина из кабинета литературы: ей нравилась игра теней на черно-белом профиле эфиопа.

Через год молодая семья получила двухкомнатную квартиру. Сказались напористость Лили и стаж Александра Авакумовича. Квартира была совсем близко от школы – надо было всего лишь перейти небольшой железный мост через речку. Через два года в их жизни появилась дочка Лиза.

Она получилась живой, любопытной и очень сообразительной. Лиза с самого начала восхищалась миром. Ее интересовало, почему облака бегут по небу с разной скоростью, почему летают птицы, почему коробки в их микрорайоне выстроены так, а не иначе. Она верила, что живет в самой лучшей на свете стране и, засыпая, была благодарна за то, как ей повезло. В 84-м Лиза пошла в школу, где в классе учились сорок три человека, а хулиганов не было, потому что хулиганов быстренько сплавляли в специнтернат. Лиза быстро росла на вкусных овощах, по праздникам делала с мамой манты из горной баранины, одевалась в однотонную одежду из универмага. Она хорошо училась, предпочитала географию, алгебру, физику литературе и истории. Как дочка классной руководительницы, Лиза участвовала во всех концертах: играла Баха на фортепьяно, пела в хоре бравурные песни и «Чибиса».

Концерты были Лизе не в радость. Как педагог, Александр Авакумович обязан присутствовать в первом ряду. Авакумычу было жарко и скучно. Хотелось спать. Круглая голова медленно клонилась на грудь, и в самый неподходящий момент изо рта вылетало мощное хрюканье. Лиза стеснялась.

Семейной жизнью Александр Авакумович тяготился не меньше, чем детским домом. Каморку в школе в счет квартиры у него забрали, и он совсем обмяк. Слонялся, не зная, где спрятаться от неуемной Лилиной энергии.

В попытках сбежать от унылой жизни Лиля бросалась то к музыке, и тогда в доме месяцами громыхал Высоцкий, то к кундалини-йоге.

Ей хотелось путешествий, хотелось уезжать в командировки. Но их не было и никогда не будет, кроме тоскливых поездок в санаторий «Орбита» с Лизой и Авакумычем, когда от солнца и воды хочется любить, а мерзкий бирюк лежит, отвернувшись, нахлобучив затертую кепку. Его покатая спина все краснее на солнце, и горечь бьет по голове, щиплет за пятки.

В воскресенья они ходили с Лизой в парк. Пока Лиля истерически визжала и хлопала себя по бедрам, фотографируя на фотоаппарат «Смена» Лизу на трухлявых качелях, Авакумыч с перекошенным от азиатского солнца лицом пил воду стакан за стаканом, вытирая пот

с красного лба несвежим клетчатым платком. Ему казалось, что жизнь к нему несправедлива. Жить с двумя другими людьми было тяжело. Не хватало уединения. От напряжения у Александра Авакумовича свистело в ушах. Каждый час, когда склочная Лиля брала Лизу и уходила из дома, был для Александра Авакумовича настоящей удачей. Он не смотрел ни новостные передачи, ни фигурное катание. Ссутулившись, сидел, глядя в окно.

Общественным транспортом Авакумыч не пользовался. Каждый день он катил по дорогам на огромном дребезжащем коричневом велосипеде. Авакумыч презирал светофоры и разделительные полосы. Заслышав мат в свой адрес, когда водители обзывали его «умалишенным жидом», (непонятно, как на такой скорости они определяли его этническую принадлежность), Александр Авакумович презрительно поджимал небритый подбородок и, устроив усилия, продолжал крутить педали.

По выходным Александр Авакумович ковырялся в помойках. Он искал гвозди, сломанную технику и проволоку. Особенно ценил доски (подгнившие, – «ничего, высушу») и паклю. Если придется строить избу, пакля забьет щели в досках, в зиму будет как с гуся вода. Что не вмещалось в квартиру, закапывал в кустах на местной речке. Мимо речки дети каждый день ходили в школу. Они спрашивали: «Дядя Саша, что вы здесь садите? Малинку, черемуку?». Маленькая Лиза тоже ходила через речку. Ей было очень стыдно.

Александр Авакумович не следил за модой. С возрастом он совсем себя забросил и выглядел даже неприлично. Синий пиджак на несколько размеров больше, длинный, почти закрывающий кисти мозолистых рук с толстыми, вздутыми синими венами; носки без резинок, безвольно лежащие, как обмякший презерватив, у основания бледных щиколоток. С каждым годом он становился все более грубым и замкнутым.

ЖЭК выделил ему конурку в подвале его дома. Там он мастерил, столярничал, выполнял мелкие заказы. Соседские дети приходили к Авакумычу по выходным, и он учил их работать с деревом. В благодарность дети швыряли в его окно мусор и дохлых птиц. Авакумыч пробовал заставлять окно фанеркой, так каждый считал своим долгом проходя мимо, выбить фанерку ногой. Авакумыч был в ярости. У него появилась скверная привычка материться на детей. К слову, Лилю дети прозвали Кенгурухой.

К тому времени Лилия вполне его ненавидела. Горечь копилась, она не знала, куда ее деть. Утром возле зеркала ей казалось, что ее отражение черное от гнева. Она хотела уйти и не возвращаться.

Злоба крутила ее изнутри, безжалостная, все заслоняющая злоба, что вот ей плохо, а этот упырь сидит в своей каморке. Упоенно что-то пилит. Какое-то дерьмо. Он не думает о ней, о ней даже не помнит. Лилю захлестывало отчаяние.

Настал 1993 год. Союз депутатов переименовали в Жогорку Кенеш. По выходным Аветины садились на диван и всей семьей смотрели, как слащавые молодцы в обтягивающих шортах жуют губами кашу по каналу Пирамида. Появились бутики, доступные тем, у кого были деньги. Лизе исполнилось 16 лет.

Она мечтала о космической геодезии, телескопах, спутниках и других планетах. Ей нравились двойные звезды. Когда две звезды находятся рядом, они друг на друга воздействуют. Есть процессы, которые в одиночных звездах незаметны. Двойные звезды развиваются быстрее, и в некоторых случаях одна звезда захватывает массу у другой. Бывает, происходят взрывы. Классические двойные звезды интересны тем, что это единственный способ определить массу, так как взвесить что-то в космосе невозможно. Температуру можно определить по цвету, догадаться. А массу можно рассчитать только по двойным звездам. Звезды сравниваются с массой Солнца – 11 масс солнца, 9 масс Солнца. Как 38 попугаев для продвинутых умов.

Еще интереснее наблюдать со спутников за Землей, Луной, пространством вокруг Марса, ядрами других галактик. Черные дыры, нейтронные звезды, сверхмассивные черные дыры,

белые карлики – человечество о них не знало, пока не запустило в космос сложные дорогостоящие аппараты. Теперь все это можно не просто посмотреть на фотографиях, но и исследовать.

Сами по себе аппараты не могут распознать, что же они обнаружили. Телескоп из обсерватории ведет наземную поддержку рентгеновских наблюдений. Работает это так: наводим телескоп в ту область неба, откуда приходит рентгеновское излучение, распознаем объект, получаем не только изображение, но и спектры, и затем смотрим, что это за объект (звезда, или другая галактика, или даже скопление галактик). Спутник говорит: вот здесь скопление рентгеновских излучений – задача найти все эти нейтронные звезды, белых карликов. Искать, как иголку в стоге сена, всю жизнь решать сложнейшие задачи, работать кропотливо, на износ, с вдохновением. Делать невидимое видимым, сложное простым, и в конце, если повезет, понять, как устроен гигантский, таинственный механизм – наша Вселенная.

Пока подруги красились, худели, лопали до тошноты капусту в надежде, что вырастет грудь, Лиза в своем углу штудировала лекции по межзвездной среде, рентгеновской астрономии, моделям звездных атмосфер.

Окруженный покатыми песочными горами, Фрунзе обнищал. Евреи, русские, узбеки уплывали из Бишкека, как селёдка во время нереста. Александр Авакумович, словно крот, засел в своей норе. Там у него стоял верстак, перемещенный из школьного флигеля, пахло лаком и опилками, там было тихо.

Лиза всей душой хотела вырваться из дома, где отец целые дни торчал в подвале, строгая что-то с мальчишками, которые его презирали, насмехались. Где мать, в попытках сбежать от жизни с Авакумычем, увлекалась то поэзией, то уринотерапией. Бишкек задыхался от жары и национализма. Лиза всюю готовилась к экзаменам.

В 95-м она поступила в Государственный технический университет. Лиза была очень счастлива, не пропускала ни одного спектакля, ни одного представления – везде Лиза танцевала, пела, играла на рояле. Лучшая на курсе, она рассчитывала получить грант в Америке и переехать в Сакраменто. Фотографии этого невиданного города, супер-солнечного, супер-современного, ей показали американцы, приехавшие в университет.

Примерно в это время Александр Авакумыч решил, что он устал. Пора ему на пенсию. Он посетил СОБЕС. Небритый Авакумыч месяц носил туда справки, отстоял все, какие положено, очереди. Первую пенсию он получил во вторник, 150 сомов (13 долларов) ударили больно, как смачная затрещина. Три дня он просидел, запершись в своей комнатухе. Никуда не выходил и ни с кем не разговаривал.

В пятницу утром Александр Авакумович вышел оттуда и поехал на Ошский базар. Купив все, что нужно, Александр Авакумович вернулся в подвал и заперся снова. Он мастерил, паял и резал все выходные. К рассвету понедельника у него был готов самодельный обреза.

Александр Авакумович поднялся к себе в квартиру, позавтракал геркулесовой кашей без соли и сахара. Запил кашу стаканом кипятка. Александр Авакумович привык экономить.

Надев самосшитую из разных кусков кожаную куртку и сунув обреза подмышку, он отправился на прием к замминистру труда Калдарбеку Джумабекову.

Он долго сидел в приемной, обливался потом. Александр Авакумович без особой надежды прикидывал, как лучше объяснить чиновнику, сколь несправедливо решение выдать ему, заслуженному педагогу, такую мизерную пенсию. Терпение у него заканчивалось.

Секретарь замминистра (по-видимому, его жена) всем видом дала понять, что ее начальник занят, он решает судьбы мира: ведет переговоры по телефону с президентом Клинтоном. На самом деле Калдарбек Джумабеков закусывал, а потом игрался с мобильным телефоном, невероятной, подавляющей разум новинкой.

Спустя четыре часа Александру Авакумовичу надоело ждать. Он улучил момент, когда секретарша пошла набрать в лейку воды, и зашел в кабинет.

Калдарбек Джумабеков сидел за столом и скучал. На голове его торчал национальный войлочный колпак. Он был похож на заварочный чайник. Александр Авакумович приблизился к столу, достал обрез и расстрелял замминистра в упор.

Мир Лизы рухнул. Деньги, отложенные на учебу, отдали адвокату – старой деве с вытянутым черепом, как у овцы. Это не помогло. В 97-м Александра Авакумовича расстреляли.

Лиза запомнила его сгорбленной, плешивой развалиной с пожелтевшей головой. Странно, но на последнем свидании Лиза подумала, что отец был счастлив эти два года. Его не доставали.

Прознав об их семье из газет, к ним в квартиру нагрянули Свидетели Иеговы. Они требовали не курить, не пить и не жадничать, рисовали в воображении Лизы огненные сцены истребления прелюбодеев и табакозависимых. От Лизы и Лили хотели покаяния. Как будто это они выпилили железный обрез и убили Калдарбека.

Лилия была не против. Всю жизнь она копила обиду: на зеленоглазого Володю, который использовал и оставил ее, на Авентина, который жил, как за туманом. Доконал ее его расстрел. Иеговы так Иеговы. Они не любят Пушкина, с ними не выпьешь, ну да кто увидит...

Зал Царства на улице Советской. На стене проектор, в углу ящик для пожертвований. При каждом шаге скрипят зеленые половицы. Люди кашляют и втягивают сопли, садятся на свои места. Тема собрания: причины, которые приводят к исключению. На сцену поднимается неуклюжий человек в аляповатом плохоньком костюме. Это брат Данила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.